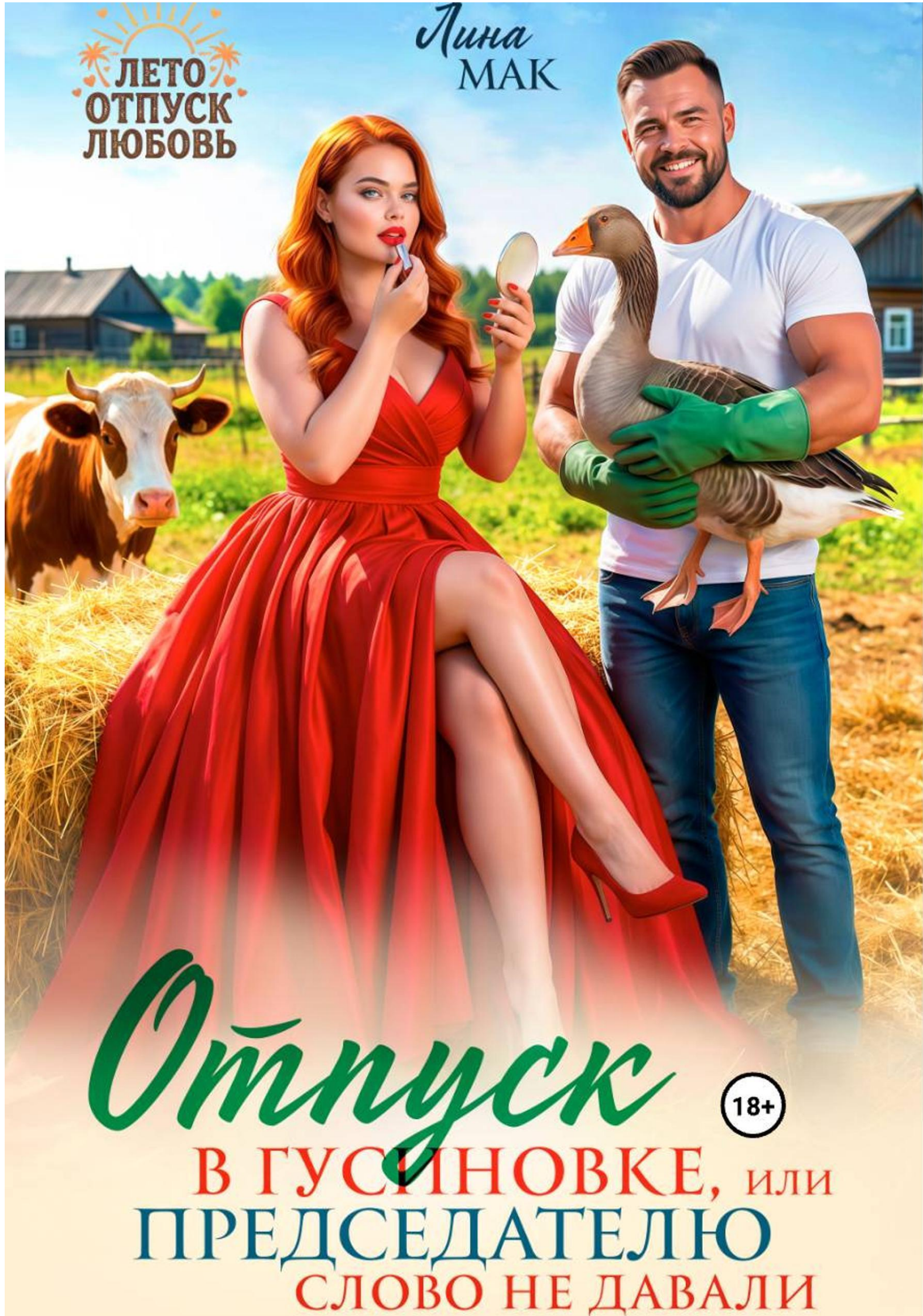

ЛЕТО
ОТПУСК
ЛЮБОВЬ

Лина
МАК

Отпуск

18+

В ГУСИНОВКЕ, или
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
СЛОВО НЕ ДАВАЛИ

Лето, отпуск и любовь!

Лиана Мак

**Отпуск в Гусиновке, или
председателю слово не давали**

«Автор»

2026

Мак Л.

Отпуск в Гусиновке, или председателю слово не давали /
Л. Мак — «Автор», 2026 — (Лето, отпуск и любовь!)

Отпуск в Гусиновке должен был стать детоксом и очищением от все старого и пропавшего в жизни Любви Гусевой. Но вышло так, что вместо спокойной трудотерапии, она встретила свою первую любовь. И тут понеслось! Его гуси атакуют её теплицы, она включает музыку на полную громкость в пять утра, он перекрывает воду в общем колодце, она заваливает границу участков навозом. Но под слоем обид и иронии тлеет то, что не смогли убить годы и расстояние. Страсть. Нежность. Любовь, которая не просит разрешения, а просто есть. *** — Любка, ты ли это? А вид-то какой! Хоть сейчас на сеновал. Голос ударил в спину, как током. И я его знала. Обернулась и замерла, держа лицо. — Серёжа? — Сергей Семёныч, — поправил он, скрестив руки на груди. — Для тебя — хозяин фермы «Гусиный рай». И, между прочим, глава сельского совета. — Поздравляю. Далеко пошёл. От своего забора до сельсовета метров триста? Головокружительная карьерная траектория. — Дальше, чем некоторые, которые сбежали в город за красивой жизнью.

© Мак Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Отпуск в Гусиновке, или председателю слово не давали

Глава 1

Люба

Есть женщины, которые узнают об измене мужа по чужой помаде на воротнике. Есть — по переписке в телефоне. Но я же не могу быть, как все! Так что у меня вполне оригинальный способ вышел. Я узнала по банковской выписке. Но, как говорят, каждому по способностям: у кого-то интуиция, у меня — бухгалтерия.

— Любаша, ты всё не так поняла, — сразу же начал оправдываться Тёмочка.

Он стоял посреди моей квартиры, в моём халате, купленном на мои деньги, и делал лицо оскорблённой невинности. Восемнадцать лет тренировок, и лицо почти бывшего мужа получалось безупречно. Жаль только, что больше ничего в этой жизни у него так хорошо не получалось.

— Артём, — я положила выписку на стол ровно, как приговор. — Объясни мне, женщине с тремя высшими нервными срывами, что именно я не так поняла. Кредит под залог моих салонов? Или Кристиночку, которой ты снимаешь квартиру в Бутово? Кристиночке, кстати, сколько? Или это тоже коммерческая тайна?

И самое интересное, что я даже голос не повышаю. В этом нет нужды. Пока ехала домой, всё отлично переварила, всё взвесила и осознала для себя пугающую реальность, что мне всё равно.

— Вот! Вот об этом я и говорю! — он воздел руки к потолку, как пророк на минималках. — Ты не женщина, ты калькулятор! С тобой невозможно чувствовать себя мужчиной!

— С тобой невозможно чувствовать себя платёжеспособной, Тёма, — отбиваю ему, но чувствую, как от его писклявого голоса начинает болеть голова. — Но я же как-то восемнадцать лет справлялась.

Ох, лучше бы я промолчала, но тогда это была бы не я.

Потому что дальше был концерт по заявкам. Что я железная. Что мама его предупреждала — свекровь, надо отдать ей должное, действительно предупреждала, правда, его, а не меня, но слушать в этой семье не умел никто. Что Милана, «между прочим, ещё неизвестно чья дочь». Это спустя восемнадцать-то лет. Я даже заплодировала. Медленно. Стоя.

— Bravo, Артём. Восемнадцать лет сомневался и молчал. Партизан. Тебя бы в разведку, но туда, к сожалению, берут с мозгами.

— Да кому ты вообще нужна будешь, дура? И это у тебя проблемы с мозгами! К врачу бы сходила, может он тебе открыл бы глаза и показал, что ты уже не первой свежести. И даже не второй сорт! — последнее он заорал уже в полную силу.

Худощавый, молодящийся, ищущий себя экземпляр, который жил в моём доме, как приятное дополнение. Хотя... тут соврала. Приятного было мало. Чаше это выглядело так:

— Они меня не понимает. Они должны мне предоставить все условия для работы. Это просто ужас, а не коллектив. Я должен перед кем-то прогибаться? Нет уж!

И я слушала, молча кивала, а сама подбивала дебет с кредитом и работала. Строила своё дело. Показывала, что я могу чего-то добиться сама. Растила дочь и не смотрела на других. Мне своего по горло было достаточно.

Но вот аргумент про второй сорт прямо задел. Так что я не долго думаю, пошла в комнату, достала спортивную сумку, засунула в неё вещи Тёмочки, не разбирая, что куда. Вышла к нему,

а он всё расхаживал по кухне, будто это я принесла ему весть, что изменяю и ещё так красиво и театрально дергал себя за волосы.

Но когда он заметил сумку с вещами, даже улыбнулся сначала. Ровно до того момента, пока я не схватила его за руку и не повела в коридор.

Болезный. А с болезными, что делать нужно? Правильно! Избавляться. Лечить таких бесполезно. Жаль дошло мне только сейчас.

Открыла дверь и вытолкала его в подъезд.

— Остальное твоё барахло пришлю курьером. Здесь тебе больше делать нечего. У тебя есть квартира в Бутово, — и захлопнула дверь, мысленно делая пометку, сегодня же сменить замки.

— Открой, дура! Я же голый. Ты что творишь?

Но я уже не слушала. У меня сегодня слишком много дел ещё. Мне нужно подать заявление на развод.

И на удивление развод я оформила быстрее, чем маникюр. А вот банкротство, которое потянулось за всем этим дерьмом, стало для меня слишком болезненным. Тянулось долго и мучительно, как сериал, который давно пора закрыть, но продюсеры жадные. Три сезона. Дело всей жизни. Каждая плитка, каждая лампа, каждая администраторша Леночка, рыдавшая у меня на плече, — всё ушло с молотка. Вместе с квартирой, репутацией и наивной верой в то, что если пахать как лошадь, жизнь тебя не лягнёт.

Лягнула. С разбега. По самой помидоры. И это ещё я отделалась малой кровью, потому что когда свекровь поняла, что учудил её сынок, сама надоумила сыночку бросить «эту непутёвую».

Флаг в руки и перо в жопу!

Благо обучение дочери я оплатила сразу на три года вперёд. Как чувствовала, что не может всё быть отлично. Кризис среднего возраста ещё никого не обходил стороной.

Звонок нотариуса застал меня сидящей на полу полупустой съёмной квартиры, где я пересчитывала итоги. Не деньги, деньги кончились.

Итак итоги:

Сорок два года.

Минус муж, минус бизнес, минус квартира.

Плюс дочь. Дочь перевешивала всё, но арифметика всё равно выходила грустная.

И вот ровный, выверенный до сантиметра голос нотариуса произносит:

— Любовь Петровна? — я мугукнула в ответ, уже не ожидала чего-то хорошего. — Вам полагается наследство от Гусевой Глафиры Степановны, село Гусиновка. Жилой дом, надворные постройки и три гектара земель с тепличным хозяйством.

Я сначала вообще ничего не поняла, но зато каламбур сложился сам собой:

— Простите конечно, но Гусева. Наследство от Гусевой. Да ещё и в Гусиновке.

— Совершенно верно, — невозмутимо подтвердил нотариус.

— У судьбы, я смотрю, с каламбурами так себе. Второй сорт.

Нотариус вежливо кашлянул. Юмор в его преискуранте не значился.

И тут меня накрыло осознание: Тётя Глафира. Господи. Я не была у неё двадцать лет. Открытки на Новый год, звонки на день рождения, «приезжай, Любочка, огурцы нынче — во!» — и моё вечное «обязательно, тёть Глаш, вот только сезон закрою». Досезонила. Теперь вместо тёти — три гектара памяти и дом с резными наличниками.

— Куда нужно подъехать? — уточнила я осозная, что такого моя жизнь точно не ожидала.

А вечером позвонила дочери поделиться занятной новостью.

— Мам. Голос у тебя как у автоответчика. «Оставьте сообщение после гудка, всё равно всем плевать», — вот в кого она такая язва у меня?

Ой, так это же я, только ещё на малых оборотах. Но язвить буду потом, тут нужно сразу выдавать весь пакет информации.

— Я наследство получила, дочь.

— Чего? Мам, какое наследство? Или папенька решил тебя наградить ещё чем-то кроме долгов и разрушенной жизни?

Дочь была зла на Артёма. И сейчас я понимаю, что когда-то сделала правильно, что не взяла его фамилию, да и дочь записала на свою. А то были бы сейчас Драчины, а не Гусевы.

— Слава богу, в этот раз без твоего папаши обошлось, — хмыкнула я. — Но наследство есть. Помнишь, я тебе рассказывала о тётке Глафире в деревне Гусиновка?

— Помню, — осторожно ответила дочь. — Только ты меня так туда ни разу и не свозила.

Не свозила, каюсь. На то были причины, о которых принято вспоминать, тем более в моём возрасте, с тёплой грустью.

— Так вот, теперь у меня три гектара теплиц, дом и куча работы.

— Так это же круто, мам! — воодушевлённо выпалила дочь, а я улыбнулась. Искренне и тепло. Вот авантюриста она у меня. — Ты же вечно говорила, что в Москве огурцы пластмассовые!

— Я не говорила. Я констатировала. Это разные вещи, — ответила Милане.

Милана хихикнула, а потом выдала то, что я и так сама понимала, но сказать самой себе боялась.

— Мам, езжай. Серьёзно. Тебе надо проветрить голову от этого всего. От папы особенно. Я, кстати, до сих пор не понимаю, почему ты не выдохнула, как я, когда развод оформили. Я вот выдохнула. Красиво так. С чувством.

— Милана, — попыталась образумить дочь.

— Что «Милана»? Я восемнадцать лет наблюдала, как ты тащишь его, салоны, меня, ипотеку и бабушку в придачу. Всё, Гусева, на выход. Я в лагерь вожатой, ты — в деревню. Разъезжаемся по оздоровительным учреждениям.

— Деревня — не оздоровительное учреждение, — усмехнулась я.

— Для тебя — санаторий строгого режима. И вообще, — в её голосе прорезалось ехидство, наследственное, по моей линии, — там же вроде твоя первая любовь обитала? Ты как-то обмолвилась, а потом покраснела. Я запомнила. Я всё запоминаю, я в мать.

— Милана Артёмовна Гусева.

— Всё-всё, молчу. Целую. Привези огурцов. Настоящих, — и чмокнув меня с той стороны быстро отключилась.

Я собирала чемодан и уговаривала себя, что это отпуск. Трудотерапия. Генеральная уборка жизни: вычистить, проветрить, выбросить протухшее. Список протухшего прилагался и был длинным.

«И уж точно, — говорила я себе, укладывая кремы, которые в деревне нужны примерно как мне сейчас муж, — это не имеет никакого отношения к синеглазому парню, который двадцать лет назад целовал меня под старой яблоней, клялся в вечной любви, а потом поверил деревенским сплетням быстрее, чем моя маршрутка доехала до станции».

— Прошлое на то и прошлое, чтобы оставаться там, где его забыли, — сказала я себе и решительно застегнула чемодан.

Чемодан промолчал. Но как-то скептически.

Глава 2

Сергей

Утро главы сельсовета начинается не с кофе. Оно начинается со звонка бабки Нюры в шесть ноль-две.

— Семёныч! У Петровичей коза опять в интернете!

— Нюра Пантелеевна, в интернете или в огороде?

— А я почём знаю, где у Никитичны что! Морковку жрёт — значит, в интернете! Внучка так говорит: всё, что без спросу лезет, всё из интернета!

Логика железная. Я записал козу в утренний обход между «течёт труба у клуба» и «Митяй опять спорит с электриком о судьбах родины».

А ещё обязательное посещение ферма «Гусиный рай» — тысяча сто голов. И каждая голова искренне считает, что она тут директор, а я так, кормовая база с ногами. Иногда, глядя в наглые гусиные глаза, я с ними почти соглашаюсь.

Ах да, директор вроде я, но выходит как-то интересно.

Уже пять лет как живу один. После развода с Танькой, женщины интересуют меня примерно как балет: знаю, что существует, допускаю, что красиво, но сам не танцую и в зал не хожу. Проверено — дешевле обходится. Во всех смыслах.

Но во всём этом уравнение и сметах, есть одно не вычитаемое, и вот сейчас он мне как раз и звонит.

— Пап. Мне на Турцию не хватает. Полтинник нужен.

— Здравствуй, сын. Я тоже рад тебя слышать. У меня всё хорошо, спасибо, что спросил, — на автомате отвечаю Валику, но сам же понимаю, что ему это, как припарка к жопе.

— Пап, ну не начинай, а? Мне что, приехать надо ради этого? У меня на твою деревню аллергия. Мама говорит, ты сам выбрал навоз вместо семьи, вот и сиди в нём, — скучающим, оборзевшим голосом произносит Валик, а я своего батю сразу вспоминаю.

Ходил бы уже с синей жопой за такие слова отцу. Но это был я, а это... «мама сказала».

Танька у нас вообще разговорчивая. Двадцать лет говорит. Сначала мне в лицо, теперь — через сына, из города, но акустика отличная, каждое слово доходит.

— Не приезжай, — сказал я ровно. — Переведу так. Отдыхай.

— Ну и отлично. — Пауза. И контрольный: — Мне вообще на тебя времени жалко, если честно.

Я посидел с минуту, смотря на потухший экран. Посмотрел на кружку в руках. Кружка была ни в чём не виновата, поэтому я её не разбил, а просто допил чай. Есть у меня такое умение — не называть то, что внутри. Назовёшь — придётся что-то с этим делать. А что с этим делать, когда пацану двадцать, а в ушах у него мамина пластинка, я не знаю. По-отечески верю: поймёт. Когда-нибудь. Желательно до моей пенсии.

Но мысли мыслями, а в магазин надо. Можно по дороге обмозговать всё. И вот за этими мыслями меня и застал Петька из магазина — наш главный информационный портал, новостное агентство и жёлтая пресса в одном лице.

— Семёныч, слышал? — Петька навалился на прилавок с видом человека, у которого сенсация жжёт карман. — Глафирина племянница возвращается. Наследство принимать. Любка Гусева которая.

И вот тут внутри ухнуло.

Не «ёкнуло» — ёкает у романтиков. Ухнуло. Как мешок с комбикормом с третьей полки. Как в двадцать пять, когда я стоял на станции и смотрел вслед поезду, гордый, как дурак, — а дурак и есть, чего уж.

— Ну возвращается и возвращается, — сказал я голосом, которым обычно зачитываю бюджет на заседании. — Земля её, имеет право.

— Ага, — Петька прищурился. — А чего у тебя тогда лицо такое?

— Какое?

— Как у Гриши, когда он в комбикорм вместо витаминов рыбий жир двойной сыпанул. Виноватое и торжественное.

— Петь. Хлеб пробей. Философ.

Двадцать лет я убеждал себя, что та история — юношеская ветрянка. Переболел, получил иммунитет, живу дальше. Женился же. Правда, на Таньке, которая крутилась рядом и ждала своего часа, да и назло. Вот только кому назло, спрашивается? Себе, как выяснилось. Себе назло я вообще талантливый, мне бы этим на жизнь зарабатывать.

Вечером, когда я сидел на крыльце и честно не думал о Любке Гусевой — не думал так усердно, что аж челюсть сводило, позвонил Гриша, помощник мой с фермы.

— Семёныч! Беда! Богдан, зараза опять гусей того!

Богдан — это мой главный гусь, который водит всех туда, куда считает нужным. Запечь бы его, да только он слишком умело справляется с этим стадом безобразия.

— Чего «того»? Конкретнее.

— Сбежали они! Через дыру у старой ивы! Всей бандой на Глафирины теплицы ушли! Штук сорок! Я свистел — ноль внимания! У них там, походу, экскурсия!

Я посмотрел на закат над Глафириным участком. Над её, значит, теперь участком. И почему-то усмехнулся.

— Ну что, — сказал я гусям заочно, — хоть кто-то из нас не боится туда идти первым.

Гуси, судя по донёсшемуся гоготу, были со мной согласны. Гуси вообще смелее хозяина. Особенно в вопросах, где хозяин двадцать лет как трус.

— Чего? — переспросил Гришка, а я понял, что вслух сказал и быстро добавил:

— Сейчас буду.

Глава 3

Люба

Маршрутка выплюнула меня на единственной остановке Гусиновки и укатила, победно дребезжа, и явно довольная, что избавилась. Я осталась стоять посреди родины с чемоданом Louis Vuitton, который смотрелся здесь примерно как я — вызывающе, неуместно и с претензией.

Двадцать лет. Двадцать лет каблуков, планёрок, «Любовь Петровна, у нас проблема» и «Любовь Петровна, вы гений» — второе, замечу, говорили реже, чем следовало. И вот я стою, вдыхаю запах свежескошенного сена, и что-то в груди щемит так предательски, что я на всякий случай списала это на давление.

— Любка, ты ли это? А вид-то какой! Хоть сейчас на сеновал.

Голос ударил в спину, как током.

Я знала этот голос. Этот голос двадцать лет снился мне в те ночи, о которых я не рассказывала никому, включая себя. Особенно себе! Вот себе я в таких вопросах не доверяла категорически.

Я обернулась. И-и-и... замерла. Держим лицо, Гусева, ты дерзких клиенток на завтрак ела и добавки просила.

Сергей. Серёжка. Только вместо мальчишки с соседней улицы стоял мужик. Широкоплечий, загорелый, в простой футболке, которая обтягивала всё то, что обтягивать посторонним женщинам противопоказано. Те же синие глаза. Та же усмешка, от которой у меня — чёрт побери, мне сорок два, у меня ипотечная история и хронический скепсис! — перехватило дыхание.

Организм, ты меня позоришь. Мы же договаривались.

— Серёжа? — выдохнула я. И тут же собралась, выпрямила спину, включила голос «переговоры с поставщиком».

— Сергей Семёныч, — поправил он, скрестив руки на груди. — Для тебя — хозяин фермы «Гусиный рай». И, между прочим, глава сельского совета.

— Поздравляю. Далеко пошёл. — Я демонстративно оглядела улицу. — От своего забора до сельсовета метров триста? Головокружительная карьерная траектория.

— Дальше, чем некоторые, — он прищурился, — которые сбежали в город за красивой жизнью.

Ах вот, значит, как. С места в карьер. Внутри всколыхнулось всё и сразу: та история, сплетни тёти Мани, папины крики «он тебе не пара!», его молчание — оглушительное, как сирена. Двадцать лет назад я бы уже орала. Но двадцать лет — хорошая школа: я научилась переплавлять «больно» в «остроумно». Профдеформация. Зато бесплатно и без побочных. Почти.

— Красивая жизнь, Серёженька, — я неторопливо поправила очки, — это когда мужчина, встретив женщину после двадцати лет разлуки, и помогает ей донести чемодан. А не стоит посреди дороги и меряется... сельсоветами.

Уголок его рта дёрнулся. Дёрнулся! Записываем: один-ноль.

— А тебе помощь нужна? — он склонил голову набок. — Ты ж у нас из этих. Из «всё сама».

— Из этих, — согласилась я. — «Всё сама» — потому что рассчитывать, как показала практика, больше не на кого. Практика у меня, Серёж, обширная. Двадцать лет практики. С занесением в трудовую.

Что-то мелькнуло в его глазах — быстрое, внимательное. Но он тут же спрятал это за ухмылкой:

— На теплицах-то обживаться будешь? Ты хоть знаешь, с какой стороны к огурцу подходить?

— Узнаю. Без твоих советов. У меня богатый опыт работы с колючими, зелёными и бесполезными. Ты не поверишь, насколько богатый.

— Посмотрим, — протянул он.

И тут — я клянусь, это было как чеховское ружьё, только пернатое — откуда-то сбоку к нему вышел гусь. Просто вышел, деловито, как секретарь к начальнику. Сергей, не глядя, подхватил его под мышку, кивнул мне и зашагал к машине. Гусь смотрел на меня через его локоть взглядом «а вы, женщина, по какому вопросу».

Я стояла и смотрела ему вслед. На спину. На плечи. На... так, ладно, не только на спину, я взрослая свободная женщина и имею право на визуальную инвентаризацию имущества района.

Внутри всколыхнулось то самое, чему я двадцать лет не давала имени. Я затолкала это обратно, утрамбовала опытом, придавила сверху разводом.

И поняла — началось.

Что именно началось, уточнять у себя не стала. Себе я, повторяюсь, не доверяла. И, как выяснилось позже, — правильно делала.

Глава 4

Люба

Дом встретил меня скрипом двери, протекающей крышей и запахом, от которого подкопились колени: сушёные травы, валерьянка и что-то неуловимо тёплое — детство, наверное. Детство, оказывается, всё это время хранилось здесь, в доме с резными наличниками, аккуратно, как варенье в погребе.

Кстати, о варенье. В сарае, среди хлама, я нашла банку с надписью тёткиным круглым почерком: «Варение — Любочке». Стояла, ждала. Год выпуска — прошлый.

Она варила его мне каждый год. Каждый год, все двадцать лет, пока я «закрывала сезоны».

И вот тут меня прорвало. Не на разводе, где я была собранная, как автомат Калашникова. Не на банкротстве, где я держала лицо так, что судья, по-моему, побаивался. А над банкой варенья, в пыльном сарае, в резиновых тапках. Логично, Гусева. Очень логично. Ревела я минут двадцать, качественно, с подвываниями — благо акустика в сарае прекрасная, а слушателей, кроме мышей, не было.

Потом вытерла лицо, открыла банку, съела три ложки прямо пальцем — простите, тётя Глаш, вилки не нашла — и пошла инспектировать наследство.

Инспекция показала: три гектара теплиц в состоянии «декорации к фильму про апокалипсис, малобюджетному». Плётка в лохмотьях, каркасы ржавые, внутри — джунгли, в которых, кажется, кто-то жил. Возможно, до сих пор.

И вот странность: руки чесались. Не набрать юриста, не составить претензию, не «оптимизировать актив». А засучить рукава — и вычистить. Отпуск официально переименовывался в трудотерапию по-гусевски. Показания к применению: развод, банкротство, синеглазые главы сельсоветов. Особенно последнее.

Работниц мне сосватал магазин — точнее, Петька за прилавком, который узнал обо мне всё за четыре минуты, ничего при этом не спросив. Талант.

Валентина и Галина.

— Валюха и Галюся, а по паспорту не запоминай, всё равно не пригодится, — деловито выдал Петька и ещё и улыбнулся своим золотым зубом.

Обеим за пятьдесят, обе замужние, руки — лопаты, глаза — рентген.

— Так ты, значит, та самая Любка, — прищурилась Валюха на третьей минуте знакомства, обрывая сухую ботву.

— Какая «та самая»? — спросила я. Зря спросила. По лицу её было видно, что вопрос — как дверь для коммивояжёра: приоткрыла — всё, заходят.

— По которой Серёга Конопля двадцать лет сохнет, — невинно сказала Галюся, не отрываясь от ящика с рассадой. — Он опосля тебя женился, конечно, на Таньке. Но это ж как чай без сахара: вроде и чай, а радости никакой. Развелись вот. Пять лет как.

— Танька его пилила-пилила, — подхватила Валюха, — да не выпилила ничего. Потому что сердце, Любка, не полено. Его не выпилишь, оно занятое было.

— Мы работать будем? — осведомилась я. — Или биографию мою обсуждать?

— А мы совмещаем, — хором ответили обе, и Галюся добавила: — У нас производительность от разговоров только растёт. Проверено.

Врать не буду — производительность действительно росла. За день мы расчистили полтеплицы, и параллельно я узнала: что Танька уехала в город и «пилит теперь тамошних», что сын Серёгин — «весь в мать, языкатый, но, может, перерастёт», что тётя Маня, та самая сплетница, «покаялась перед смертью, да поздно, поезд-то твой ушёл, Любка, в прямом смысле».

— Не ушёл, а уехал по расписанию, — поправила я. — Со мной внутри. Я сама решение принимала.

— Ага, — кивнула Валюха с интонацией, которой обычно говорят «конечно-конечно» психиатры. — Сама. Все вы сами. А потом двадцать лет оба смотрят в одну сторону из разных окон.

Я хотела съязвить. Открыла рот. Но тут же закрыла.

Потому что — вот же зараза — крыть было нечем.

— Перекур, — объявила я. — И чтобы про Коноплю я больше не слышала.

— Договорились, — легко согласилась Галюся. И через паузу: — А про Сергей Семёныча можно?

Вечером я сидела на крыльце с тёткиным вареньем, смотрела, как над дальними теплицами садится солнце, и думала, что КГБ по сравнению с этими двумя помощницами — кружок робких стеснительных мальчиков.

И что варенье у тёти Глафиры — с секретом. От него почему-то хотелось остаться.

Глава 5

Люба

Неделя пролетела так, что к вечеру у меня не оставалось ни рук, ни ног, ни маникюра — маникюр пал первым, смертью храбрых, на расчистке второй теплицы. Спина ныла, ладони покрылись мозолями, о существовании которых московская Любовь Петровна знала только теоретически, из курса «работа с возражениями».

Но было и странное. Каждый вечер, выходя из летнего душа и глядя на небо — настоящее, со звёздами, а не как в Москве, где вместо неба подсветка торгового центра, — я ловила себя на том, что улыбаюсь. Просто так. Без повода. Бесплатно.

Подозрительно. Надо будет провериться.

А в среду утром я вышла к теплицам и увидела оккупацию.

Гуси. Штук сорок. Белые, наглые, организованные. Они ели мою рассаду — мою, выхоженную, политую, лично мною отвоёванную у слизней рассаду — с деловитостью рейдерского захвата. Один, самый жирный, стоял на грядке, как на трибуне, и, кажется, руководил.

— А ну!!! — заорала я так, что с крыши снялись воробьи.

Гуси лениво повернули головы. Оценили. И продолжили есть. В их глазах читалось: «Женщина, не мешайте, у нас фурушет».

Через три минуты я влетала во двор Сергея — в резиновых сапогах, в рабочем комбинезоне, с растрёпанной головой, и из ушей у меня, по ощущениям, шёл пар, как из самовара.

— Конопля!!! Твои проклятые птицы сожрали мою рассаду!

Он сидел на крыльце. Пил чай. И выглядел до того довольным жизнью, что за одно это выражение лица надо было давать административку.

— Доброе утро, соседка, — сказал он. — Чаю?

— Рассаду! Мою! Сожрали! Сорок клювов! У них там главный есть, жирный такой, он вообще прораб!

— А, это Богдан, — кивнул Сергей с теплотой в голосе. — Он у них за старшего. Умница. Гуси — умные птицы, Люба. Они сами знают, где вкуснее.

— Ты специально их туда пускаешь!

— Докажи.

Я задохнулась. Стояла посреди его двора, сжимала кулаки и понимала две вещи. Первая: как же он меня бесит. Вторая — к делу не относится, вычеркнуть из протокола, — как же он хорош в этой футболке, с этой кружкой, с этой наглой физиономией. Вторую мысль я арестовала и увела в наручниках.

— Я поставлю забор!

— Ставь, — он пожал плечами так безмятежно, что захотелось кинуть в него сапогом. — Только вот межа у нас общая. Колодец один на двоих. И дома, если ты не заметила, соседствуют: твой с одного края участков, мой с другого. Так что договариваться, — он отхлебнул чаю, — всё равно придётся. Соседка.

«Соседка» он произнёс с такой интонацией, что где-то в райцентре, наверное, вздрогнул сейсмограф. Я почувствовала, как эта интонация проехала по мне от макушки до резиновых сапог, и разозлилась ещё сильнее — уже на себя.

— Договариваться? — я улыбнулась. Медленно. Фирменно. От этой улыбки у моих поставщиков начинал дёргаться глаз, а особо чувствительные пересматривали прайс в мою пользу. — Серёженька. Я двадцать лет договаривалась с людьми, которые таких, как ты, ели на бизнес-ланч и не давились. Я переживала налоговые, рейдеров и свекровь. Ты только что объявил войну не той женщине.

Он поставил кружку. Посмотрел на меня — долго, внимательно, с искрой, которую я предпочла не расшифровывать.

— А я, — сказал он и отсалютовал кружкой, — на это и рассчитываю.

Что?!

Я развернулась и пошла прочь — спина прямая, подбородок вверх, походка «увольнение целого отдела». Красиво пошла, годы тренировок. И только за калиткой сообразила, что последняя реплика опять осталась за ним. Вторая встреча — второй раз. Тенденция, Гусева. Недопустимая.

У теплиц меня ждали Валюха с Галюсей. По лицам было понятно: всё видели, всё слышали, ставки сделаны.

— Ну чего, — деловито спросила Валюха, — война?

— Война, — сказала я, закатывая рукава.

— Славно, — Галюся мечтательно вздохнула. — А то у нас с прошлого лета, как клуб закрыли, никаких культурных мероприятий.

Глава 6

Сергей

Каюсь: воду я перекрыл не совсем случайно. Если совсем честно — совсем не случайно. Вентиль сам себя не закрутит, я проверял: стоял рядом минут пять, ждал. Не закрутился. Пришлось помочь.

Зачем? Хороший вопрос. Официальная версия — профилактика коммуникаций. Неофициальную я себе не озвучивал, потому что неофициальная звучала как «хотел, чтобы она пришла». А сорокапятилетнему мужику, главе сельсовета, такое озвучивать стыдно. Это ж уровень третьего класса: дёрнуть за косичку, чтобы обернулась.

Результат превзошёл ожидания.

В десять вечера калитка грохнула так, что гуси в сарае проснулись и заматерились по-своему. По двору неслась Люба — мокрая, босая, в халате, с намыленной головой. Пена стекала по виску. Глаза метали молнии категории «повышенная опасность».

— Конопля!!!

— Добрый вечер, — сказал я, изо всех сил удерживая лицо. Лицо удерживалось плохо.

— Я стою в тазике! В тазике, понимаешь?! Как в девятнадцатом веке! С шампунем на голове! Намылилась — и ХЛОП! Всё! Тишина! Я думала, у меня в жизни уже было всё дно, но нет — сегодня я узнала, снизу могут постучать!

— Авария, наверное, — я задумчиво изучил вечернее небо, а в груди поднимался нездоровый азарт. — Коммуникации изношенные. Я, как глава, обязательно подниму вопрос на совете. Заседание в четверг. Приходи, кстати. Внесёшь предложение в порядке общественной инициативы.

— Я тебе покажу заседание! Я тебе такую общественную инициативу устрою, что ты протоколы до пенсии писать будешь! Стоя! В тазике!

Она стояла посреди моего двора — мокрая, злая, в халате, с пеной на виске, — и я поймал себя на том, что улыбаюсь. Широко. Непозволительно. Потому что передо мной была не московская бизнес-леди с бронированной улыбкой, которую она носила, как каску. Передо мной была Любка. Та самая, которая в восемнадцать гонялась за мной с крапивой вокруг колодца. Двадцать лет, салоны, каблуки, Louis Vuitton — а поскреби, и вот она. Настоящая.

— Чего лыбишься?! — она сощурилась. — Так. Ты специально. Ты. Специально. Перекрыл. Воду. — она отчеканила каждое слово.

— Докажи, — сказал я. Второй раз за две недели. Начинаю злоупотреблять.

— Знаешь что, Конопля... — она набрала воздуха. Я приготовился к лексике, не предусмотренной протоколами сельсовета. Но она вдруг выдохнула и сказала почти спокойно, что было страшнее: — Ладно. Хорошо. Запомни этот вечер, Сергей Семёныч. Потому что, когда я закончу, ты будешь вспоминать его как последний спокойный.

— Жду с нетерпением, — честно сказал я.

Она развернулась и пошла к калитке. Халат при ходьбе делал что-то такое, о чём главе сельсовета думать не положено. Я а думал. Каюсь второй раз.

— Вода будет через десять минут! — крикнул я вслед. — И, Люб!

Она обернулась.

— Тебе идёт шампунь.

Звук, который она издала, я не возьмусь передать в официальном документе. Что-то между рычанием и обещанием. Калитка грохнула второй раз. Гуси в сарае одобрительно загоготали — они за движуху.

Я пошёл откручивать вентиль. А у забора обнаружился дед Митяй — стоял, опершись на палку, и качал головой с видом человека, наблюдающего гибель цивилизации.

— Семёныч. Ты ж глава. Должностное лицо. А ведёшь себя как пацан зелёный.

— Митяй, — я крутанул вентиль, и труба довольно загудела. — А я, может, впервые за двадцать лет себя живым чувствую.

Дед пожевал губами. Посмотрел на Любкин дом, где как раз зажглось окно. Посмотрел на меня.

— А-а-а, — протянул он с бесконечным пониманием. — Ну, тогда крути обратно. Пусть ещё побегает.

— Иди домой, вредитель.

— Я-то пойду, — Митяй заковылял вдоль забора и уже из темноты добавил: — А ты, Семёныч, имей в виду: у Нюрки на вас ставки принимают. Я на тебя поставил. Не подведи, у меня пенсия маленькая.

Глава 7

Люба

Месть — блюдо, которое подают холодным. Или, в моём конкретном случае, — свежим, дымящимся и в объёме одной тонны.

КамАЗ пришёл в семь утра. Водитель, дядя Коля, уточнил дважды:

— Точно сюда? Прямо вдоль забора Семёныча?

— Прямо вдоль. Аккуратненько. С любовью.

— С любовью навоз ещё не сгружал, — крикнул дядя Коля, но сгрузил. Профессионал.

Несколько тон отборного, душистого, наисвежайшего удобрения легла живописной грядкой ровно по меже. С подветренной стороны — я лично сверилась с прогнозом. Не зря я в Москве на йогу ходила: дыхательные практики и работа с потоками, всё пригодилось.

Сергей вышел на крыльцо через двадцать минут. Постоял. Понюхал. Медленно повернул голову в мою сторону — я как раз завтракала на своём крыльце, с видом на его лицо. Прекрасный вид. Рекомендую.

— Гусева. Это что?

— Это удобрение! — я помахала ему бутербродом. — Для будущих грядок! Полежит месяцок, созреет. Агротехнология!

— У тебя грядки с другой стороны участка!

— Логистика — моё слабое место! — крикнула я счастливо. — Я же баба, что с меня взять!

— Ты ненормальная!

— Я аграрий!

На следующее утро в пять ноль-ноль над Гусиновкой взошло солнце. А в пять ноль-одну — Филипп Киркоров. Колонку я выставила в открытое окно, направив, как орудие, на дом соседа.

«Зайка моя» на полной громкости — это, доложу я вам, оружие, которое стоило бы запретить какой-нибудь конвенцией. Стёкла дрожали. Собаки выли подпевая. Гуси, по слухам, неслись потом двое суток с перепугу, и Гриша бегал считать яйца с калькулятором.

Ответный удар последовал через день: Сергей начал выгуливать поголовье строго под моими окнами. В пять утра. С комментариями экскурсовода:

— Идём, идём, девочки! Вот тут, обратите внимание, живёт москвичка! Тут у нас памятник культуры: женщина, которая всё сама! Не подходите близко — кусается и включает Киркорова!

Гуси гоготали. Я подозреваю — смеялись.

Село наблюдало за нами, как за сериалом. К концу ещё одной недели, по донесениям Валюхи, бабки на лавочке у магазина официально принимали ставки, а баб Нюра вела ведомость.

— Коэффициенты озвучить? — деловито спросила Валюха, перебирая рассаду. — На «поженятся до Покрова» — один к трём. На «до Спаса» — один к пяти. Митяй вчера удвоил на Семёныча.

— Передай букмекерской конторе, — процедила я, втыкая лопату в грядку, — что скорее его гуси пешком на юг уйдут, чем я... чем мы... В общем, никаких Покровов!

— Ага, — Валюха достала блокнотик и что-то черкнула.

— Ты что записала?

— Ничего, — она спрятала блокнот за пазуху. — Ставочку поправила. Ты только, Любка, вот чего скажи, — она хитро сощурилась, — ты когда про него говоришь, ты почему улыбаешься?

— Я не улыбаюсь. Это гримаса ненависти.

— А-а, — кивнула Галюся. — У меня такая же гримаса на моего Толика была. Тридцать второй год гримасничаю, четверо детей.

Я открыла рот. Закрыла. Воткнула лопату глубже.

Вечером, лёжа в кровати, я поймала себя на том, что продумываю следующий ход в этой войне с азартом, которого не чувствовала со времён открытия первого салона. И что жду пяти утра — гусиной экскурсии под окнами — с чем-то подозрительно похожим на нетерпение.

Диагноз я себе ставить отказалась. Врачебная тайна. От самой себя.

Глава 8

Сергей

Я увидел её у магазина случайно. Ну как случайно — шёл за хлебом. Четвёртый раз за день. Хлеб в доме кончился с подозрительной скоростью, учитывая, что я его не ел.

Она сидела на лавочке с дедом Митяем и бабой Нюрой. И хохотала.

Не по-московски — вежливо, в четверть силы, с оглядкой на макияж. А по-нашему: запрокинув голову, во всё горло, хлопая Митяя по рукаву.

— ...и он мне заявляет: «Любовь Петровна, у вас нецелевое расходование средств!» А я ему: «Милый мой, у меня вся жизнь — нецелевое расходование! И ничего — рентабельная!»

Баба Нюра утирала слёзы платком. Митяй стучал палкой в землю от восторга, как дятел.

— А ты, Петровна, заходи ко мне, — сипела Нюра, — я тебе рассадку перцев дам. Глафира, покойница, мои перцы уважала. Говорила: Нюрка, у тебя не перцы, а произведения!

— Зайду, Нюра Пантелеевна. С меня варенье. Тёткино. Только вам — из стратегического запаса.

И я стоял с батоном под мышкой, как дурак на выставке, и понимал простую вещь: москвичка из неё вышла, как побелка. Наносная. Дождик прошёл — и проступила та самая девчонка, которая знала по именам всех деревенских собак и таскала со мной ранетки у деда Архипа.

Моя девчонка. Которая двадцать лет была не моей по одной-единственной причине: два гордых барана и одна болтливая деревня.

Она меня заметила. Мгновенно подобралась — спина прямая, подбородок вверх. Флаг поднят, гарнизон к обороне готов.

— О, — сказала она. — Глава. Собственной персоной. Пришёл перекрыть нам хлеб? Или лавочку узаконить под снос?

— Пришёл убедиться, что ты не агитируешь население против законной власти.

— Законная власть сама себя дискредитирует. Гусями. В пять утра. С комментариями.

— Это культурная программа. Просвещение отдалённых территорий.

— Это мелкое хулиганство, — она поднялась с лавочки. — Статья, между прочим. Я узнавала.

— Она узнавала! — восхитился Митяй. — Семёныч, слышал? Она про тебя узнавала!

— Про статью! — отрезала Люба, но — я видел, я теперь всё про неё видел — кончики ушей у неё порозовели. — Исключительно про статью. Всего доброго, граждане. Пойду, пока представитель власти не оштрафовал меня за громкий смех.

И ушла. С гордо поднятой головой, походкой «пленных не берём». Метров через двадцать, правда, обернулась. На полсекунды. Проверить, смотрю ли.

Смотрел. Ещё как смотрел.

— Семёныч, — Митяй похлопал ладонью по освободившейся лавочке. — Сядь. Разговор есть.

Я сел. Нюра деликатно отвернулась, но уши у неё развернулись в нашу сторону, как лока-торы.

— Я тебе как старый человек скажу, — Митяй смотрел вслед Любе. — Я на этой лавке сорок лет сижу. Я тут всё видел. И как ты за ней в юности бегал, видел. И как она уезжала — тоже. Она в маршрутке ревела, я в окно видел, а ты, дурень, на станцию так и не пришёл.

— Митяй...

— Не мычи. Ты вот что пойми: бабы, они как электричка. Одну упустил — жди следующую. А эта, — он ткнул палкой в сторону Любкиного дома, — эта не электричка. Эта — последний поезд, Семёныч. Литерный. Больше по нашей ветке такие не ходят. Так что либо силки расставляй, либо отпускаяй насовсем. Третий раз она не приедет. Возраст у вас не тот, чтобы по двадцать лет думать.

Я сидел, мял батон и молчал. А внутри что-то поворачивалось — тяжело, со скрипом, как тот вентиль. Двадцать лет я жил на запертой воде. Удобно, между прочим: сухо, спокойно, ничего не течёт. И ничего не растёт.

— Нюра, — сказал я наконец. — Ставки ещё принимаешь?

— А то! — оживилась бабка. — Тебе на какой исход?

— На Покров, — сказал я и встал. — Поставь на Покров. Всё, что там у Митяя накоплено.

— Э! — взвился дед. — Ты мне пенсию не транжирь!

— Я тебе её удваиваю, — сказал я и пошёл домой.

Чего уж тянуть. Силки так силки.

Знать бы ещё, кто в них первым попадётся. Хотя, если по-честному, я уже знал. Я в них сидел с той самой остановки. С чемоданом её дурацким. С «Серёжа?» этим, от которого у меня неделю в груди гудело, как в трансформаторной будке.

Гуси у сарая проводили меня понимающим гоготом. Богдан, прораб, посмотрел с уважением.

— Завтра выходной, — сказал я ему. — Экскурсий не будет. Начинаем мирные переговоры.

Знал бы я, что вместо переговоров назавтра будет ливень, — соломки бы постелил. Хотя нет. Не постелил бы. Как оказалось, это был лучший ливень в моей жизни.

Глава 9

Люба

Ливень обрушился на Гусиновку, как обиженный поставщик, — внезапно, с претензиями и без предупреждения. Только что было душное марево — и вот уже небо прорвало по всем швам, и вода лупила по теплицам так, будто у неё с ними личные счёты.

А у меня в четвёртой теплице плёнка держалась на честном слове и двух прищепках. Метафора всей моей жизни, между прочим.

— Куда?! — заорала мне вслед Валюха, но я уже неслась через огород, прижимая к груди рулон плёнки, как эвакуированное дитя.

Дальше события развивались стремительно и глупо, как всё лучшее в моей биографии. Я натягивала плёнку, ветер вырывал её из рук, дождь заливал глаза, и на четвёртой минуте этой неравной борьбы моя нога поехала по раскисшей глине.

Мир кувыркнулся. Красиво так, с оборотом. Я приземлилась в грязь всем, чем богата, лодыжку прошило болью, и я заорала так, что, полагаю, в райцентре сработала пара сигнализаций.

Он прибежал через минуту. Через минуту! По ливню, по грязи, через межу — сломя голову, несмотря на навоз, Киркорова и всю нашу войну.

— Ты чего, дура, в такую погоду по грязи лазишь?! — рявкнул он, падая рядом на колени.

— Сам дурак! У меня плёнка!

— У тебя нога! — он ощупал лодыжку, и я зашипела. — Так. Всё. Едем в травмпункт.

— Никуда мы не едем! Дойду сама!

— Ага, — сказал он. И просто поднял меня. На руки. Как рулон плёнки.

— Пусти! Конопля! Я тяжёлая! Я не девочка, я взрослая женщина с плотной костной структурой!

— Разговорчики, — буркнул он и понёс.

И вот тут случилось страшное. Я перестала брыкаться. Я — женщина, которая двадцать лет всё сама: сама зарабатывала, сама рожала, сама выносила мусор, мужа и приговоры конкурентам, — вцепилась в его шею и позволила себя нести. Через дождь. Молча.

От него пахло дождём, сеном и почему-то домом. Последнее было совсем уж непозволительно, и я на всякий случай списала это на болевой шок.

Он занёс меня в дом, усадил на диван, стянул резиновый сапог — осторожно, как с хрустальной. Лодыжка распухла на глазах и цветом уже напоминала баклажан. Некондицию.

— Надо лёд, — буркнул он.

— В морозилке. Там ещё пельмени, не перепутай.

Он хмыкнул и ушёл на кухню. Я слушала, как он гремит морозилкой, и осматривала диспозицию: я — мокрая, в грязи, с ногой-баклажаном. Он — мокрый, в моём доме, впервые за двадцать лет. Зрителей — ноль. Занавес открыт, суфлёра нет, текст забыт.

Он вернулся, сел рядом, приложил лёд, завернутый в полотенце. Большие руки. Осторожные, как будто я фарфоровая, хотя пять минут назад он орал «дура». Капли дождя стекали с его волос на скулы. Я смотрела — на морщинки у глаз, на седину на висках, на упрямый рот — и вдруг поняла с ужасающей, бухгалтерской ясностью: ничего не прошло. Совсем ничего. Инвентаризация показала, что чувства в наличии, все двадцать лет хранения, срок годности не истёк.

— Что смотришь? — не поднимая головы, спросил он.

— Ущерб оцениваю, — соврала я.

— Ну-ну, — сказал он. И поднял глаза.

И вот тут стало ясно, что врушка из меня вышла ещё хуже, чем аграрий. А аграрий из меня, напомню, лежал только что в грязи кверху жопой.

За окном грохотал ливень. Между нами грохотало погромче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.